

Языческое и христианское в мифологических верованиях жителей

станции Раздорской

Архипенко Н.А.

Ростовский государственный университет,

г. Ростов-на-Дону

Исследователи важного и неотъемлемого звена архаической славянской духовной культуры – народной демонологии – давно обратили внимание на особую форму существования верований. Спецификой языческого комплекса является «своеобразный характер его эволюции: новое не вытесняет старого, а наслаивается на него, добавляется к старому» [Рыбаков, 1974, с. 4]. Таким образом, складывается особая мифологическая семиотическая система, упорядочивающая в своём составе различные по происхождению и по времени возникновения знаки. Особое место в комплексе представлений занимают христианские элементы. Демонология относится «к давним дохристианским воззрениям, к эпохе язычества, которое в несколько видоизменённых формах, по сути дела, продолжало существовать в жизни народной, уживаясь часто с христианством, прежде всего с бытовым христианством, либо противопоставляясь ему, как мир "преисподний" или часть мира земного миру небесному» [Толстой, 1995, с. 250].

Изучение верований донских казаков показывает, что их состав также неоднороден. Рассмотрение с внешней позиции, т.е. с точки зрения стороннего наблюдателя, выявляет наличие в них элементов разных семиотических систем – в том числе языческой и христианской. Однако с внутренней позиции, с позиции носителя этнокультурной информации, все эти элементы принадлежат одному уровню, существуют в рамках единой системы народных суеверий, Так, водяной, домовый, ведьма, с одной стороны, и господь, сатана, чёрт – с другой, в сознании носителя уживаются в рамках одной системы представлений. Поэтому следы христианских элементов в комплексе языческих верований обнаруживаются на разных его уровнях.

В частности, более сложная, обусловленная прежде всего выполняемой функцией система интерпретаций языческих персонажей (помогающие, наказывающие за нарушение запрета, защищающие, вредящие), заменяется простой двухчастной, пришедшей из христианства. В этом случае христианские персонажи и их имена могут служить своеобразными классификаторами при интерпретации мифологических персонажей в верованиях донских казаков. Обычно персонаж мифологических верований воспринимается либо как принадлежащий к нечистой силе или связанный с ней, либо как не относящийся к нечистой силе. В первом случае для определения отношения носителей используются названия чёрт, бес, сатана как антиподы Бога, которые выступают в качестве косвенных наименований языческих персонажей. Не являются исключением и мифологические верования жителей ст. Раздорской, анализ которых с этих позиций будет проводится на фоне элементов мифологической системы всего Дона. Материал для статьи был собран в этнолингвистической экспедиции РГУ, работавшей в ст. Раздорской и близлежащих хуторах в 2001 г. Беседы с информаторами, коренными жителями старшего возраста, записывались на диктофон и потом расшифровывались.

В верованиях станции обнаруживаются помимо прямых наименований мифологического персонажа косвенные, генетически восходящие к христианству. Например, прямые наименования змей, огненный змей, огненный шар, звезда, жар отражают особенности внешнего облика персонажа, посещающего вдов. Косвенные наименования того же персонажа чёрт, бес, нечистый (дух), недобрый (дух), лукавый (дух) отражают представления о происхождении этого персонажа. Частью носителей огненный змей представляется не самостоятельным образом, а одной из ипостасей чёрта. В этом случае при сохранении традиционных характеристик и действий персонаж наделяется новым именем: «От бабушка мая гаварила, што огниный змей – эта как щёрт, только светица» (ст. Раздорская); «щярты ани визде могут быть – и в ваде, и вот прилятаить – эта тожы щёрт» (ст. Раздорская).

При восприятии огненного змея как одной из ипостасей чёрта в его характеристиках также звучат христианские мотивы. К ним можно отнести боязнь огненным змеем младенцев, нашедшую отражение в быличках об этом персонаже: «вот если да каво змей литаить, то нада младенца палажить рядам, тада он ни

можыть к табе приблизица» (ст. Раздорская); «младениц должын рядам лижать, эта штобы пакойник ни прихадил» (ст. Раздорская). Христианские представления о младенцах как о безгрешных, непорочных существах лежат в основе этой характеристики персонажа, такое представление характерно для всего Дона: «маладенцыв ани баяца, ежыли он ф крясту, а если нет, какой он младениц, он никрищёный ежыли, он ни младениц» (Обливский район).

Христианскими по происхождению являются и некоторые способы избавления от огненного змея: сходить в церковь, прочитать молитву, облить тоскующую женщину святой водой: «Вот ежыли ты таскуишь или змей да тебе уже литаить, то тада нада только ф церкву, малебин там ацлужить, памалица»; «Да нашый сасетки муш прихадил, сразу послИ смерти, так ие мая бабушка каждый день в церкву пасылала» (ст. Раздорская); «если к каму муш ходить, так нада пирит сном фсё вакрух свитой вадой палить – и sibя, и парох, и карвать» (ст. Раздорская).

В общедонских представлениях христианские классификаторы используются при характеристике домового; они часто носят взаимоисключающий характер даже в пределах одного населенного пункта: персонаж может восприниматься как представитель нечистой силы или же как не имеющий к ней отношения. Это ярко проявляется в текстах бытовых высказываний о домовом на территории Ростовской области. В качестве отрицательного классификатора выступает обычно чёрт (сатана, бес, нечистый): «дамавой – эта тод жы щёрт» (Шолоховский район); «чярты, ани и в доми жывуть, вот дамавой у кажнам доми есть» (Волгодонский район); «хучь как абзави, дажы дамавой, а фсё равно нячистый» (Верхне-Донской район). При интерпретации домового носителями как нечистого существа происходит выделение одной из функциональных характеристик, а именно способности совершать вредоносные действия по отношению к человеку, что является первым признаком нечистоты: «дамавой-та эат, он жы щёрт, и наваливаица, и душить, и чё хош тебе зделаить» (Каменский район); «дамавыи-сатаны пакасти фсякии только и делають» (Обливский район). В результате этот образ включается в состав христианских персонажей, являющихся антиподами Бога.

Восприятие домового в ст. Раздорской относится к другой группе: когда домовый оценивается как не принадлежащий к нечистой силе; из всех его характеристик актуализируется локальная, т.е. место обитания персонажа (жилище человека), которое в составе оппозиции свой – чужой и её конкретной разновидности освоенный – неосвоенный не может восприниматься как место обитания нечистой силы и в этом смысле противостоит нежилому, неосвоенному, пространству, населённому вредоносными существами: «Домовой – это нечистая сила? – Ну как сказать, он жывёт в доми жы, значить нет (ст. Раздорская); Чярты в ваде, там, в лису, а в доми нет, в доми дамавой (ст. Раздорская). Подобная оценка домового подтверждается и текстами, в которых он соотносится с положительным христианским классификатором – Богом: «Мая мама пайдёт у церкву, свещицку паставить, а патом дамой придёт и дамавому там хлепча, или чё-та там ище дасьть. И гаварить: «Хоть божыцка, хоть дамавой – а хто-нибут паможыть» (ст. Раздорская); «Варенья в большой кастрюли стаить, а мне хочица страсть как хочица, а бабушка када уходить, мне гаварить: “Ни ешь варения, а то бажыцка лошкой па лбу, а дамавой тибя за нагу хватать будить”. А я все равно ела» (ст. Раздорская). Сближение двух персонажей и проведение параллели между действиями домового и Бога и их одинаковая оценка становятся возможными благодаря осознанию общности их функции – наказание в случае нарушения какого-либо запрета. Выполнение этой функции ограничивается сферой дома и семьи, адресатом чаще всего выступают дети.

Положительный христианский классификатор используется и при определении генетических особенностей и интерпретации такого мифологического персонажа донской традиции, как домовая змея (уж). Уж в донской традиции соотносится с понятием «святость», и его происхождение связывается с Богом: «Ужак никагда ни нада убивать... Мне мая мама гаварила, што патоп Ноив был, и Ной сибе кавщех зделал и туда панасажал усякай твари па пари, ну фсех пасабирал на зимле. Паплыли ани сухую землю искать, штобы ни пад вадой, а ужаку ни бируют, гаварять, ана кусаица. И дырка зделалась, и стали ани топнуть. А ужака закрыла дырку галавой. И бог ей дал тада ну как питно на галаве» (ст. Раздорская); «Ужака – эта свитая, бох иё любить, патаму бить иё нильзя никаму» (ст. Раздорская).

Включение христианских персонажей в систему верований донских казаков обусловлено интерпретацией мифологических образов как относящихся или не относящихся к нечистой силе. Подобная оценка языческого компонента, возникшая под влиянием христианского мироощущения, привела к использованию наименований основных христианских персонажей в качестве своего рода классификаторов. Дихотомическая система, включающая положительный и отрицательный полюсы, допускает проникновение элементов христианских верований на различные её уровни. Степень подобного проникновения ещё должна быть изучена путём

дальнейшего исследования мифологических представлений донских казаков, заключающегося в этнолингвистическом анализе обрядов, поверий и связанных с ними демонологических персонажей.

Историко-культурные и природные исследования

на территории РЭМЗ. Сборник статей, выпуск 1, 2003 г.

Литература

Рыбаков Б.А. Языческое мировоззрение русского средневековья // Вопросы истории. 1974. № 1. С. 3-30.

Толстой Н.И. Каков облик дьявольский? // Толстой Н.И. Языки народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е, испр. М.: Изд-во «Индрик», 1995. С. 250-269.